

ВОЙСКО ЗАПОРОЖСКОЕ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАКАЗАНИЯ И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ

М. КОЛОС,
кандидат юридических наук, доцент,
судья Конституционного Суда Украины

SUMMARY

The article researches specific characteristics of the customs of criminal and legal nature within the territory of the Zaporozhian Cossack Army in the XVI – XVIII centuries based on literary sources and materials of judicial practice. Classification of types of offences and punishments is given, longstanding transformation of legal experience of the Ukrainian and other peoples in conditions of military and political organization aimed at protecting the most important social values. Attention is paid to the existence of judicial customs in Cossack court (imposition of more lenient punishment, bailment), that enabled humanization of the severe punitive system.

Key words: Zaporozhian Sich, Zaporozhian Cossack Army, criminal and legal customs, offences, punishments.

* * *

В статье на основании литературных источников и материалов судебной практики раскрываются особенности обычаев уголовно-правового характера на территории Войска Запорожского в XVI-XVIII столетиях. Представлена классификация видов преступлений и наказаний, сделан вывод о том, что уголовно-правовые обычаи запорожцев являются результатом длительной трансформации правового опыта украинского и других народов в условиях военно-политической организации с целью охраны наиболее важных социальных ценностей. Обращается внимание на существование в казачьих судах обычаев (назначение более мягкого наказания, взятие на поруки), способствующих гуманизации жесткой карательной системы.

Ключевые слова: Запорожская Сечь, Войско Запорожское, уголовно-правовые обычаи, преступления, наказания.

Постановка проблемы. Познавание цивилизационной сущности и позитивное развитие правовых, в том числе уголовно-правовых, отношений, базис которых составляют правовые обычаи и нормы, сложившиеся в обществе, невозможны без ретроспективного анализа последних. С нашей точки зрения, обычаи уголовно-правового характера Войска Запорожского ещё недостаточно изучены особенно в аспекте их генезиса и соотношения с правом украинского и других народов. Этим объясняется объективная потребность в исследовании указанного правового явления, с целью максимально заполнить научно обоснованными данными пробелы, существующие в этой части уголовно-правовой науки.

Актуальность темы подтверждается отсутствием современных комплексных фундаментальных исследований проблем генезиса и развития обычаев уголовно-правового характера Войска Запорожского и их влияния на становление национально-уголовного права.

Состояние исследования. Общественно-историческим изучением вопросов возникновения Войска Запорожского и развития его обычаев занимались многие исследователи. Среди них следует назвать Г. Л. Боплана, А. И. Ригельмана, А. А. Скальковского, А. П. Ткача, данные которых служат фундаментальной базой для отраслевых научных изысканий. Отдельные аспекты запорожских обычаев уголовно-правового характера мы описали в монографии «Уголовное право в Украине (X-нач. XXI столетия)», т. 1, 2011 г.

Целью этой статьи являются представление и распространение в среде

заинтересованных лиц результатов углубленного научного исследования уголовно-правовых отношений соответствующих субъектов на территории Запорожских Сечей, юридического содержания обычаев уголовно-правового характера, социальных ценностей, охраняемых ими, и отдельных вопросов правоприменительной деятельности запорожцев.

Исследование основного материала. По данным летописи, составленной в период 1623-1627 годов монахами Густынского монастыря, возникновение запорожского казачества связывается с 1516 годом. Основали это военно-политическое течение украинские свободные люди, которые под началом Предслава Лянцкоронского, украинско-литовского воеводы, в указанном году осуществили поход на татарскую крепость Аккерман с целью наказания татар за нарушение мирного договора и нападение на украинские земли Великого княжества Литовского.

После этого победного похода они избрали себе старейшину по имени Козак и стали организованно не только отражать татарские набеги на украинские земли, но и совершать походы на их территории, как утверждал летописец, творя «пакости татарам и туркам» [3, с. 6, 122, 157].

Г. Л. Боплан, описывая современный ему Киев, указывал, что именно оттуда пошёл «тот благородный народ, который называется сегодня запорожскими казаками и который на протяжении многих лет заселяет разные места по Днепру и в прилегающих землях». Эти люди, по его словам, почти каждый год совершали налёты на Эвксинский Понт, нанося большой ущерб туркам [2, с. 24].

Впоследствии казачье движение преобразовало своё войско в системную военно-политическую структуру квазигосударственного типа, действующую на Запорожских землях Поднепровья и управляемую соответствующим аппаратом, избираемым демократическим путём. На основании исторического правотворческого опыта украинского и иных народов, представители которых были запорожскими казаками, обычаев, выработанных в процессе войсковой жизнедеятельности, казачество сформулировало комплекс собственных правовых обычаев, которыми более 250 лет регулировало общественные отношения на территории Войска Запорожского.

Выдающийся украинский учёный, академик Академии наук УССР Д. И. Яворницкий, обращая внимание на проблемность определения границ функционирования Войска Запорожского, утверждал: «Границы вольностей запорожских казаков в разное время и от различных обстоятельств постоянно менялись. Отсюда определить с точностью пределы земли низовых казаков довольно затруднительно, а иногда, при отсутствии каких бы то ни было на этот счёт указаний, и совершенно невозможно» [8, с. 27]. Однако данные таких известных исследователей запорожского казачества, как французский инженер и военный картограф XVII ст. Г. Л. Боплан, военный инженер, топограф XVIII ст. А. И. Ригельман, учёный-историк, юрист XIX ст. А. А. Скальковский, а также сведения других учёных дали возможность современным картографам чётко обозначить на картах места постоянного расположения, ведения хозяйственно-войсковой деятельности и боевой подготовки Войска Запорожского.

Благодаря этим достижениям мы располагаем научно обоснованными данными для определения периода времени и территории, на которой функционировали правовые обычаи запорожских казаков. К ней принадлежит территория, находящаяся по условной линии на юг от населенных пунктов Торговица, Чигирин, Кременчуг и по реке Ориль; на западе – от Торговицы южнее по реке Синюха, а далее: вдоль реки Южный Буг, Очаковской степи, на север от селения Гезикерман, по течению реки Днепр, на север от истока реки Конская, через середину течения реки Волчья (возле места стечения её двух истоков). На северо-востоке указанная войсковая территория ограничивалась началом истоков реки Ориль и на запад от начала истоков реки Самара. Основные войсковые формирования – сечи дислоцировались непосредственно по течению реки Днепр, за порогами (от Кодацкого до Вольного). В частности, Токмацкая Сечь действовала там в период с 1570 по 1593 год, Базавлуцкая – с 1593 по 1638 год, Никитинская – с 1639 по 1652 год, Чертомлыцкая – с 1652 по 1709 год, Камянская – с 1709 по 1711 год и, вторично, с 1728 по 1734 год, Новая – с 1734 по

1775 год, до момента, когда по приказу российской императрицы Екатерины II коварно была уничтожена. Следует отметить, что за пределами запорожских казачьих владений, на юг от притока реки Ингулец к Днепру, в

1711–1728 годах также функционировала Олешковская Сечь. Однако первым казачьим укреплением был замок на общеизвестном днепровском острове Хортица, действовавший в 1556–1557 годах. Эти данные подтверждают картами [1, с. 56, 57].

Запорожскими казаками во все времена их существования руководило собственное, как правило, ежегодно переизбираемое начальство, которое Д. И. Яворницкий по предмету полномочий классифицировал на три группы, а именно: а) войсковое начальство. В его состав входили кошевой атаман, судья, есаул, писарь и куренные атаманы; б) войсковые служители. К ним относились: подписарь, булавничий, хорунжий, бунчужный, перначный, подесаул, довыш, поддовыш, пушкарь, подпушкарь, толмач, шафарь, подшафарь, кантаржей, канцеляристы; в) походные и паланочные начальники. Это были полковник, писарь, подписарь, есаул и подесаул.

Каждый представитель войскового руководства выполнял поставленные задачи, имея для этого определённые полномочия. Наивысшей была должность кошевого атамана. Он одновременно представлял войсковую, административную, духовную и судебную власть. Войсковой судья был вторым после кошевого атамана должностным лицом. Его основным заданием как судьи было осуществление гражданского и уголовного судопроизводства. Исполняя свои судебные функции, он руководствовался правовыми традициями и «здравым умом». Следует обратить внимание, что Войско Запорожское, вопреки традициям украинских гетманских казаков, в своей правоприменительной практике никогда не использовало письменное право государств, под протекторатом которых оно время от времени находилось.

Расследование преступлений и исполнение назначенных наказаний осуществлялось под руководством войскового есаула. А. А. Скальковский, исследуя следственно-судебные документы

Войска Запорожского, обратил особое внимание на организацию расследования уголовных правонарушений [7, с. 129]. Проведенный нами юридический анализ дословно изложенного им решения кошевого атамана на предмет возможности уголовного преследования войсковым есаулом Ф. Завезионом правонарушителя, с нашей точки зрения, является довольно обоснованным актом. Подтверждением этого являются следующие факты: давая распоряжение (ордер) на расследование противоправного действия, кошевой атаман совершал это не от своего имени, а от всего коша; расследование начиналось при наличии достоверного повода, то есть обоснованной жалобы заинтересованного лица; расследование поручалось не кому-либо из казаков, а должностному лицу – есаулу, который имел опыт в решении таких задач; есаул обязан был установить лицо, подозреваемое в совершении противоправного действия, и наличие его вины в этом; главным заданием есаула было примирить конфликтующих путём удовлетворения потерпевшей стороны виновным лицом. И лишь после этого, если примириться не удавалось, или преступление было тяжким, вершился суд. В процессе следствия допускалось ограничение свободы подозреваемого посредством ареста и содержания под стражей в пушкарне.

Помощником есаула по линии правоохранительной деятельности был войсковой довыш. Он одновременно исполнял обязанности пристава, публично зачитывал определения старшин и всего войска на месте исполнения приговора либо на войсковой раде, призывал осуждённых к позорному столбу и т. п.

Отдельные правоохранительные функции были возложены на войскового пушкаря, основным заданием которого было заведывание артиллерией. По совместительству он занимал также должность смотрителя войсковой тюрьмы, где содержались преступники, задержанные на период следствия и ожидания суда или осуждённые к тюремному заключению на определённый срок либо к иному наказанию, требующему публичного исполнения [8, с. 180–184].

На основании изученных литературных источников и юридического

анализа судебных приговоров, вынесенных запорожцам за совершение противоправных действий, запрещённых в Войске, стало возможным классифицировать их по объекту посягательства на шесть видов. Это были преступления против: жизни, здоровья, чести и достоинства, половой свободы, собственности, воинской службы.

Указанные данные дают возможность утверждать, что уголовно-правовая охранительная деятельность Войска Запорожского осуществлялась на основании правовых обычаев в пределах, обусловленных сущностью бытия войскового сообщества и функционирующих в нём общественно-правовых отношений. Однако содержательный объём этих отношений был значительно ограничен по сравнению со сферой гражданского общества, сложившегося к тому времени на иных украинских землях Великого княжества Литовского, Польши, Гетманщины, где они, кроме обычаев, регулировались в значительной мере письменным кодифицированным правом (Литовские Статуты в редакциях 1529, 1566, 1588 годов).

И, наоборот, сравнение объектов уголовно-правовой охраны в Войске Запорожском с теми, что были закреплены в Пятикнижии Моисея (XIII ст. до н. э.) и «Руськой Правде» (XI-XIII ст. н. э.), в определенной мере дает основания говорить об их идентичности. Это жизнь, здоровье человека, его честь и достоинство, половая свобода, собственность. Дополнительно к этому у запорожцев возник лишь такой объект уголовно-правовой охраны, как общественные отношения в сфере исполнения воинской службы, которая была основной формой их общественного бытия. Одним из преступлений этой группы, исходя из выявленной судебной практики, было дезертирство, то есть самовольное уклонение казаков во время войны «от своих стягов» и уход «в степь под приводом полевых работ». По одному из таких случаев в 1770 г. кошевой атаман писал войсковому судье: «Дезертиров, которые ушли с экспедиции отряда под Очаковом и Хаджибеем, наказать на базаре палками, держать возле столба до моего возврата в Сечь» [4, с. 561-565; 5, с. 224-233; 7, с. 134]. Такое же наказание получили в 1751 г. казаки В. Похил и В. Таран,

однако за иное преступление. Они, будучи посланными с пакетами к очаковскому сераскер-паше, не выполнили задание. Более того, плывя по Днепру утопили свои паспорта и порученные им пакеты киевского генерал-губернатора [8, с. 192].

К наиболее тяжким в Войске Запорожском относились такие общеуголовные преступления, как убийство и нанесение телесных повреждений казаком другому казаку, мужеложство, изнасилование женщины, неприличное оскорбление женщины, приведение женщины в Сечь, хищение материальных ценностей у войскового товарища, гайдамацтво (в значении формы хищения, которое осуществлялось способом противоправного завладения лошадьми, прочим скотом и имуществом мирного населения). Кроме того – дезертирство, пьянство во время боевого похода, проявление дерзости в отношении начальства, то есть воинские преступления, посягающие на правила несения службы.

Принимая во внимание отсутствие у казаков писанного права, является естественным, что они не создавали письменных нормативно-правовых актов, в том числе уголовно-правового характера. В то же время запорожцы чётко понимали объективную и субъективную сущность преступления. Как усматривается из приговоров, они могли отличить виновное совершение противоправного действия от невиновного, уголовно-правовые отношения от гражданско-правовых и т. п. Это обуславливается тем, что значительная часть казаков имела не только серьёзный жизненный опыт и мудрость, но и надлежащее для того времени образование. Некоторые получили его в Киево-Могилянской академии, церковных школах [8, с. 451-453].

Об уровне юридической грамотности и гуманизме участников судопроизводства могут свидетельствовать судебные акты. Например, казак Потовчанской паланки В. Баркут, обвинённый женщиной в совершении плотского греха, был наказан. После этого с целью мести он убил её и расчленил труп, о чём сознался в паланке. Его арестовали и отправили в Сечь для суда, который в приговоре указал: «Присланный при вашем рапорте в

Кош житель ведомства Потовчанского, села Лебедивка Василь Баркут, хотя за виновность в убийстве чужой жены его должны казнить, но потому, что он имеет малолетних детей и жену, и чтобы они не остались без средств к существованию, [по] разсуждени[ю] Коша вместо положенной ему за то смертной казни жестоко здесь наказан киями и отпущен на прежнее место проживания на покаяние. 1767 года, августа 8». Кроме того, ещё до оглашения приговора Кош направил войскового есаула в село для исполнения материальной части наказания. Согласно обычаю, он должен был разделить весь скот и движимое имущество В. Баркута на три равных части и передать одну часть Кошу, вторую часть – паланочному старшине Порохне, а третью часть отдать главной старшине Сечи, однако есаул возвратил её жене осуждённого. Указанное свидетельствует о том, что казачьим судам были характерны не только жёсткость в наказании преступников, но и гуманность. Более того, отступая от обычая в части избрания вида и меры наказания правонарушителя, судьи мотивировали свои действия в приговоре, поясняя причины назначения виновному более мягкого наказания.

В казачьих судах существовала также практика передачи осуждённых на поруки войсковому товариществу (дела казаков Кисляковского куреня К. Письменного от 29 октября 1755 г. и Полтавского куреня М. Шульги от 3 января 1759 г.). Поручители, которыми были, как правило, войсковые подразделения казаков и их старшины, брали на себя определённые обязательства, которые способствовали исключению возможности продолжения осуждённым преступной деятельности, обеспечивали его духовное покаяние. Иногда они даже сохраняли преступнику жизнь, создавая ему условия для возвращения украденного имущества или займов, если он был должником своих товарищей. Субъектом обращения к суду о передаче правонарушителя на поруки могли выступать также родственники подсудимого и иные лица. Это усматривается из приговора уже упомянутому казаку М. Шульге, за которого ходатайствовало не только войско, но и священники и его родной брат [7, с. 133-135].

Особый интерес представляет вопрос соблюдения принципа равенства перед обычаями и войсковым судом лиц, совершивших правонарушения. Д. И. Яворницкий утверждает: «Если во время отчёта за кошевым открывалось какое-либо преступление против войска, какое-либо неправильное решение суда, какой-нибудь незаконный поступок против заветных преданий запорожских, то его даже казнили смертью». К числу лиц, лишённых жизни за ограничение прав и свобод казаков и другие нарушения обычаев запорожских, принадлежат первый воевода П. Лянцкоронский, кошевой атаман Я. Туптало и некоторые другие. Тем самым подтверждается, что запорожцы, независимо от социального и должностного положения в Войске, были равны перед обычаями казаков и их судом. Кошевые атаманы и прочее войсковое начальство не составляли какого-либо исключения из этих неписанных правил [8, с. 174].

В зависимости от совершённых преступлений виновные лица получали соответствующее наказание. Литературные источники и материалы судебной практики дают основания утверждать, что правовые обычаи уголовно-правового характера давали возможность судам Войска Запорожского назначать преступникам следующие виды наказаний: изъятие у продавца товара (за самовольное превышение таксы или нормы его продажи, установленных в Сечи); приковывание осуждённого к пушке (за оскорбление войскового начальства, иногда за убийство человека, не принадлежащего к казачьему товариществу); сажание осуждённого на деревянную кобылу с приковыванием к ней (за воровство коня или иных вещей у казака); избивание палками, иногда кнутом под виселицей (за воровство в форме гайдамацтва или в значительных размерах); помещение в войсковую тюрьму (пушкарню или иное специально отведенное место) на определенный срок за ряд преступлений; приковывание преступника к столбу позора и избивание палками, иногда до смерти (за воровство вещей у казаков, припрятывание краденного, прелюбодение, содомские грехи, нанесение побоев, совершение насилия, дезертирство); причинение осужденному телесных

повреждений (членовредительство) (за нанесение потерпевшему телесных повреждений в нетрезвом состоянии, иногда за убийство); смертная казнь (за наиболее тяжкие преступления), которая осуществлялась следующими способами: а) повешение; б) подвешивание на металлическом крюке за ребро; в) сажание на заостренный кол (дыбу), верхняя острая часть которого была металлической; г) утопление в водоеме; д) закапывание осужденного живым в землю (иногда в одном гробу с убитым им человеком).

Кроме того, А. А. Скальковский сообщает, что после того, как в 1770-х годах в Запорожских землях стали дислоцироваться подразделения российской армии, осуществляющие пограничный контроль на украинско-татарской границе, российское войсковое начальство «важных преступников» начало ссылать в Сибирь на каторжные или крепостные работы. Это, с нашей точки зрения, было не только очевидным превышением полномочий указанных должностных лиц российского государства, но и нарушением договорённостей о том, что казакам сохраняют их права и вольности. По данным названного исследователя, указом российского императора от 13 марта 1749 г. Войску Запорожскому было запрещено выносить преступникам смертные приговоры. Однако до конца существования Сечи такие приговоры все же выносились [7, с. 134].

Следует обратить внимание на то, что охрана названных объектов преступлений, осуществляемая Войском Запорожским, была характерной не только для этого квазигосударственного военно-политического образования, но и для иных государств мира. Это обусловлено тем, что уголовно-правовая охрана жизни, здоровья, чести, достоинства, свободы человека, его имущества, правил несения воинской службы является объективно необходимой и социально полезной на каждом этапе цивилизационного развития общества и государства.

Наказания, которые применялись к преступникам, также не были изобретением Войска Запорожского. Их только адаптировали к социальным потребностям этого сообщества. Ведь, например, сажание осужденного вора

на деревянную кобылу и приковывание к ней, было лишь интеллигентным подобием такого наказания, как «кобыла» или «испанский осел», с помощью которого в XV столетии инквизиция боролась в Европе с еретиками. В то же время европейцы также активно использовали «трон» или «кресло Иуды», прототипом которых у казаков стала заостренная «дыба», и т. п. [6, с. 154, 155].

Изложенные данные, по нашему мнению, дают основания утверждать следующее:

1) обычаи уголовно-правового характера, действовавшие в Войске Запорожском, являются социальным продуктом длительной трансформации правового опыта украинского и других народов, полученного в специфических условиях военно-политической организации, который признавался всеми субъектами тогдашних общественных отношений, функционирующих на территории Войска, и использовался с целью обеспечения правовой охраны таких наиболее важных ценностей, как жизнь, здоровье, честь, достоинство, свобода человека, его собственность и порядок несения воинской службы;

2) обычаи уголовно-правового характера регулировали уголовно-правовые отношения, возникающие между казаками и Войском Запорожским, в связи с совершением кем-либо из казаков действий, противоречащих традициям, сложившимся на территории указанной военно-политической квазигосударственной организации;

3) обычаи уголовно-правового характера, существовавшие в интеллектуальной форме, предполагали установление следствием и судом двух групп признаков, которые характеризовали противоправные действия преступника, а именно – объективных и субъективных элементов, которые на современном этапе развития теории уголовного права принято обозначать терминами «объект», «объективная сторона» и «субъект», «субъективная сторона».

Кроме того, суд должен был определить, исходя из сущности противоправных действий виновного лица и их последствий, а также сложившейся судебной практики, вид и меру наказания преступника. Безусловно, каждое

наказание являлось не только карой, но и предупреждением о недопустимости нарушения обычаев Войска Запорожского.

Список использованной литературы:

1. Атлас історії України. – К. : ДНВП «Картографія», 2012. – 152 с.

2. Боплан Г. Л. Опис України / Г. Л. де Боплан. Українські козаки та їхні останні гетьмани; Богдан Хмельницький / П. Меріме / Пер. з фр., приміт. та передм. Я. І. Кравця. – Львів: Каменяр, 1990. – 301 с.

3. Збірник козацьких літописів: Густинський, Самійла Величка, Грабянки. – К. : Дніпро, 2006. – 976 с.

4. Колос М. І. Об'єктивні ознаки кримінально-правових положень «Руської Правди» // Університетські наукові записки. – Хмельницький : Хмельницький університет управління та права, 2012. – № 1 (41). – С. 561-565.

5. Колос М. І. Старозавітні передумови формування кримінального права християнської цивілізації // Вісник Академії правових наук України. – Х. : Право, 2013. – № 1 (72). – С. 224-233.

6. Маневич И. А., Шахов М. А. Всемирная история телесных наказаний. – М. : ЗАО «Фирма «Либрос», 2012. – 255 с.

7. Скальковский А. О. История Новой Сечи, або останнього Коша Запорозького. – Дніпропетровськ : Січ, 1994. – 678 с.

8. Яворницький Д. І. Історія Запорозьких козаків: У 3 т. – К. : Наукова думка, 1990-1991. – Т. 1. – 592 с.

PROTECTION OF THE RIGHT TO A FAIR TRIAL AT THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

U. KORUTS,

postgraduate of Kyiv University of Law of Academy of Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article deals with the issue of protecting the right to a fair trial by the example of the European Court of Human Rights. The article contains the conclusions about a two-level nature of this right whose minimal content is given in article 6 of the European Convention on Human Rights. The right to a fair trial has an expanded content due to the practical activity of the European Court of Human Rights.

Key words: a fair trial, rights of man and the citizen, Conventions for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

В научной статье рассматривается вопрос защиты права на справедливое судебное разбирательство на примере Европейского суда по правам человека. Автором делается вывод о двухуровневом характере этого права, минимальное содержание которого приводится в статье 6 Европейской конвенции по правам человека, а расширение содержания права на справедливое судебное разбирательство происходит благодаря практической деятельности Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: справедливое судебное разбирательство, права человека и гражданина, Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

The problem statement in general terms and its connection with important scientific and practical tasks. One of the tendencies of the Ukrainian society development is the decrease of the level of trust in judicial authority. According to the opinion poll data that was conducted with the participation of Razumkov Centre sociological service, nowadays 44.9 % Ukrainians do not trust in judicial authority. Moreover, 31.5 % respondents gave a negative answer to the question «Were the court trials you were involved in legal and fair?» As of March, 59.8 % respondents do not support the judicial activity in Ukraine (for comparison, in February of 2005, at the beginning of the research, 29.3 % respondents did not support the judicial activity) [1].

The right to a fair trial (the right to a fair court) belongs to so-called first-generation rights of man and the citizen and is provided by fundamental international agreements. As it was truly stated by E. L. Trehubov, 'the creation of main mechanisms of the guarantees of basic human rights and freedoms is one of the greatest achievements of the international cooperation in XX century' [2, p. 358].

Thus, at the level of the United Nations (UN), the right to a fair trial shall be established by the Universal Declaration of Human Rights of 1948, whose article 10 states the following, 'Everyone is entitled in full equality to a fair and public hearing by an independent and impartial tribunal, in the determination of his rights and obligations and of any criminal charge against him' [3], and the International Covenant on

Civil and Political Rights of 16 December 1966, whose article 14 contains the following statement, 'All persons shall be equal before the courts and tribunals. In the determination of any criminal charge against him, or of his rights and obligations in a suit at law, everyone shall be entitled to a fair and public hearing by a competent, independent and impartial tribunal established by law' [4].

Speaking about the regional level, we should mention the Convention of the Commonwealth of Independent Nations on Human Rights and Fundamental Freedoms, whose article 6 states that 'All persons shall be equal before the judicial system. In the determination of any charge against him, everyone shall be entitled to a fair and public hearing within a reasonable time by an independent and impartial court' [5]. Finally, the right to a fair trial is mentioned in article 47 of the Charter